

О.Б. Лебедева

**НАЦИОНАЛЬНОЕ, ИМПЕРСКОЕ, КОЛОНИАЛЬНОЕ
КАК ФАКТОР ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ:
ПОСЛАНИЕ В.А. ЖУКОВСКОГО «К ВОЕЙКОВУ»**

В рамках синтетической жанровой структуры послания Жуковского «К Воейкову» (1814), в котором очевидны жанровые ассоциации стихотворного эпоса, торжественной похвальной оды, мотивы былинного фольклора, литературные реминисценции древнего национального эпоса и объективные дескрипции, близкие типологии топографически и исторически достоверного миропобраза, заряженного мощным ассоциативным потенциалом воспоминаний об этапах становления государства Российского в его национально-освободительной и завоевательно-колониальной батальной истории, объединяющим началом становится субъективно-лирическая рефлексия медитативной элегии, подчиняющая их одной доминанте: все эти жанровые, фольклорные, литературные и исторические ассоциации репрезентированы как своего рода «ландшафт моих воображений», картина духовного мира поэта-человека-современника своей исторической эпохи.

Ключевые слова: Жуковский, национальный стихотворный эпос, лирика, послание, «К Воейкову», элегичность, субъективность.

Вторая половина 1800–1810-х гг. для Жуковского прошла под знаком постоянной работы над замыслом национальной эпической волшебного-исторической поэмы «Владимир»: вероятно, Жуковский окончательно отказался от его реализации только после появления поэмы Пушкина «Руслан и Людмила» и знаменитого «Победителю-ученику...» (1820). Но при том, что этот замысел хорошо известен по документальным и архивным материалам (последние ныне опубликованы в четвертом томе Полного собрания сочинений и писем [1. С. 365–370] с комментарием Н.Ж. Ветшевой [2. С. 609–621]), его мировоззренческое значение до сих пор остается неосмысленным – равно как и судьба стихотворного героического, исторического и батального эпоса в русской литературе Нового времени, относительно которого хорошо известно, что от самого своего начала и вплоть до середины 1810-х гг. русская литература Нового времени была телеологически нацелена на национальный стихотворный эпос: все профессиональные писатели XVIII – первой трети XIX в. начиная от Кантемира и Ломоносова пытались написать эпическую поэму и в

лучшем случае останавливались на первой песне, а в худшем – создавали тексты, становившиеся анахронизмом прямо в момент своего появления на свет и потому неспособные пережить свою эпоху («Россияда» Хераскова) или вызывавшие злые насмешки своим низким эстетическим качеством (ср. эпиграммы Батюшкова на поэмы Р. Сладковского «Петр Великий», 1803; кн. С. Ширинского-Шихматова «Петр Великий», 1810; А. Грузинцева «Петриада», 1812:

Какое хочешь имя дай
Твоей поэме полудикой:
Петр длинный, Петр большой, но только Петр Великой –
Ее не называй.

Не странен ли судеб устав!
Певцы Петра – несчастья жертвы:
Наш Пиндар кончил жизнь, поэмы не скончав,
Другие живы все, но их поэмы мертвы! [З. С. 246–247].

Между тем совершенно очевидно, что стихотворная эпопея, независимо от того, к какой жанровой разновидности она принадлежит – батальная («Илиада», «Генриада»), жизнестроительная («Одиссея», «Энеида»), волшебнo-рыцарская («Неистовый Роланд», «Освобожденный Иерусалим») или колониальная («Лузиады»), это, по определению, жанр апологетический в отношении власти (в том числе императорской) и государства, оформление идеи которого в креативном сознании маркировано отнесенными к определенной исторической эпохе и определенной личности властителя актами национального самоопределения и административно-территориального (империального) оформления государственности в политике расширения границ и завоевания новых территорий. С этой точки зрения несомненным является тот факт, что вся ранняя история русского Нового времени (XVIII – первая треть XIX в.), характеризующаяся именно этими политическими, а вслед за ними и ментальными процессами начиная с эпохи государственных преобразований Петра I и до наполеоновских войн, буквально взывала к русской литературе об адекватном жанровом воплощении изменений в характере национального самосознания и структуре русской государственности, стремительно эволюционировавшей к имперско-колониальному типу за счет завоевательных кампаний XVIII в. и национально-освободительной войны начала XIX в.

Тем не менее стихотворный эпос – это не тот жанр, который можно счесть удавшимся русской литературе. И не претендуя на то, чтобы объяснить этот парадоксальный факт, рискну высказать предположение об одной из возможных причин такого положения вещей: появлению национальной стихотворной эпической поэмы достаточно высокого эстетического уровня воспрепятствовала идеология персонализма, усвоенная русской культурой Нового времени в процессе ее европеизации и пришедшая вразрез с традиционно деспотическим характером русской государственности. До тех пор, пока новое национальное сознание и геополитическое положение России не стало фактором личной жизни россиянина, иными словами, пока эти новшества не интериоризировались в индивидуальном самосознании – сначала креативном, а затем в массовом, эпос был обречен на неудачу. Когда же процесс интериоризации завершился, эпический жанр претерпел мощную трансформацию за счет вторжения в него лирического начала, размывшего официальный пафос эпической поэмы на национально-исторический героический сюжет и сделавшего этот пафос «осердеченной идеей», т.е. эмоцией частного человека.

До некоторой степени процесс интериоризации геополитики и становления ее факторов фактом личной жизни частного человека может вполне репрезентативно представить один из текстов В.А. Жуковского – вслед за Карамзиным последовательного государственника в идеологической позиции, но при этом одного из самых самосознающих лириков русской литературы, а именно послание «К Воейкову» (1814), хорошо известное колониальной геопозтике как один из первых образцов «кавказского текста» русской литературы, но совершенно не осмысленное как репрезентативный текст интериоризации геополитических новшеств русской империи и выработки нового национального самосознания, включающего высшие уровни геополитики в личную жизнь отдельно взятого человека и тем самым создающего интимный контакт индивида с государством.

Особое место этого текста в творческом наследии Жуковского, написавшего множество дружеских посланий – жанра, принадлежащего к области так называемой «домашней поэзии» и тем самым относимого именно к личной жизни частных людей, адресата и адресанта, маркировано его датой: Жуковский датировал весьма обширный текст, над которым он, несомненно, работал не один день,

днем своего рождения: 29 января 1814 г. Этой же датой озаглавлено лиричнейшее стихотворение, обращенное к его возлюбленной, М.А. Протасовой, и при жизни Жуковского не напечатанное, в отличие от дружеского послания «К Воейкову», которое, будучи опубликовано с датой «29 января 1814» и подписью поэта «Жуковский» [4. С. 97–106], стало манифестом двух на первый взгляд противоположных интенций: с одной стороны, в тексте послания предельно акцентировано личное автобиографическое начало, с другой – сам факт его публикации делает эту личную жизнь фактором духовной жизни всей читающей России.

Творческая история послания Жуковского неразрывно связана с замыслом поэмы «Владимир», о котором дружеский круг автора был хорошо осведомлен: Жуковский был эпицентром арзамасских дискуссий о жанре «русской поэмы» как форме национального самосознания и основным кандидатом на роль ее творца [5. С. 67–76]. «Все тебе прощу, если напишешь поэму...» – убеждал К.Н. Батюшков в письме к Жуковскому [6. С. 382–383]. И само послание Жуковского явилось ответом на призыв А.Ф. Воейкова, высказанный в его послании «К Жуковскому», опубликованном в журнале «Вестник Европы» в марте 1813 г. [7. С. 26–30]):

Напиши поэму славную,
В русском вкусе повесть древнюю, –
Будь наш Виланд, Ариост, Баян! [8. С. 278].

Жанрово-тематическая композиция послания Жуковского складывается на нескольких структурных уровнях. Это *дружеское послание* (частная жизнь, малая родина), *одический географический мир* (большое отечество), репрезентированный через биографию адресата, *реминисценции национально-освободительных войн* (половцы, татаро-монголы, Наполеон), колониальные и фольклорные мотивы (картины Кавказа, русский былинный эпос), *творческая лаборатория поэта-романтика* (реминисценция старинной повести в двух балладах «Двенадцать спящих дев», эскиз образности замысленной поэмы «Владимир»): нетрудно заметить, что на всех этих уровнях лирические и эпические элементы структуры находятся в постоянном взаимодействии. И композиционным стержнем послания становится структура лирического субъекта, соединяющего в себе частного человека, гражданина своей страны и поэта.

Прежде всего обращает на себя внимание нетипичный сюжет, выбранный Жуковским и выпадающий из традиции незавершенного

или неуспешного стихотворного эпоса XVIII – первой трети XIX в., в основном связанного с именем и царствованием Петра I: обращение к полубогатырской, полуисторической личности киевского князя Владимира, которого и сам поэт, и его современники сравнивали с Готфридом Бульонским и Карлом Великим. Ср. высказывание Жуковского в письме к А.И. Тургеневу от 12 сентября 1810 г.: «Владимир есть наш Карл Великий, а богатыри его те рыцари, которые были при дворе Карла <...>» [9. С. 62]; у Воейкова: «А Владимир – русско солнышко, // Наш Готфред или Великий Карл» [8. С. 278], а также в рецензии Д.Н. Блудова на старинную повесть в двух балладах «Двенадцать спящих дев» (подлинник по-французски):

Наш Владимир Великий так же, как Карл Великий, имеет привилегию быть, так сказать, двойным персонажем, и если когда-нибудь Россия произведет нового Ариоста, он сможет воспользоваться и слишком коротким рассказом Нестора, и всеми народными вымыслами, относящимися к имени Владимира [10. Р. 325–326].

Этот сюжет не только давал возможность широкого использования как исторических материалов, так и национального фольклора, прежде всего былинного эпоса и славянской мифологии – он еще и соединялся множеством смысловых ассоциативных параллелей со всеми ключевыми эпохами становления русской ментальности и российской государственности (от принятия христианства до апогея национального самосознания и гражданской экзальтации первых десятилетий XIX в.). Сам Жуковский преследовал очень определенную цель, которую можно назвать стремлением к национальной самоидентификации, которая осуществлялась бы в фольклорном, историческом и персональном духовном пространстве: «<...> особенно буду следовать за образованием русского характера, буду искать в ней [истории] объяснения настоящего морального образования русских» [9. С. 59].

Соответственно этой цели в эскизном наброске сюжета поэмы в пределах послания возникают батальные мотивы, основополагающие как в истории, так и в былинном эпосе Древней Руси. Первый из них – войны с половцами – определяет представление поэта о первоначальном национально-территориальном становлении Русского государства:

Я вижу древни чудеса:
Вот наше солнышко-краса
Владимир-Князь с богатырями;

Вот Днепр кипит между скалами;
Вот златоверхий Киев град;
И бусурманов тьмы, как пруги,
Вокруг зубчатых стен кипят <...> [1. С. 311].

Второй батальный мотив – гуманистические подвиги русских богатырей – вызван стремлением Жуковского проследить истоки национального характера, основу формирующегося несколько позже в его переводном и оригинальном творчестве характера неэгоистического героя, принципиально важного для русского романтизма: через несколько месяцев после создания послания поэт приступит к работе над второй частью «Двенадцати спящих дев», балладой «Вадим», которая в его черновиках и эпистолярной фигурирует под условным названием «Искупитель», а вскоре после отказа от замысла поэмы «Владимир» переведет поэму Байрона «Шильонский узник» и фрагмент поэмы Т. Мура «Лалла-Рук» («Пери и ангел»). И, конечно, не случайно из всего набора имен былинных богатырей Жуковский выбрал для своего персонажа в послании имя с ярко выраженной внутренней формой:

Вот, дивной облечен броней,
Добрыня, богатырь могучий,
И конь его Златокопыт;
Через степи и леса дремучи
Не скачет витязь, а летит,
Громя Зилантов, и Полканов,
И ведьм, и чуд, и великанов <...>
Там бьется с бабою-ягой;
Там из ручья с живой водой,
Под стражей змея шестиглава,
Кувшином черпает златым;
Там машет дубом перед ним
Косматый людоед Дубыня;
Там заслоняет путь Горыня <...> (курсив мой. – О.Л.) [1. С. 311–312].

Совершенно закономерно этот фрагмент послания увенчан двумя литературными реминисценциями, если можно так назвать возникающий в послании словесно-образный мотив еще не осуществленного замысла; обе имеют прямое отношение к творческой лаборатории поэта, маркируя одновременно и жанр, и идеологический пафос как поэмного замысла, так и исторической концепции

Жуковского в том, что касается основ национального самосознания и национальной государственности. Это реминисценция плача Ярославны из «Слова о полку Игореве», которое Жуковский переведет в 1817 г.:

О ветер, ветер! что ты вьешься?
Ты не от милого несешься,
Ты не принес веселья мне <...>
Стрелу пернатую отвей
От друга-радости моей [1. С. 312],

и сюжета баллады «Вадим» (второй, еще не написанной к этому времени части «Двенадцати спящих дев»):

Пред ним чернеет лес ужасный.
Сияет блеск вдали прекрасный;
Чем ближе он – тем дале свет <...>
Красою белые колпицы,
Двенадцать дев к нему идут
И песнь приветствия поют <...> [1. С. 312].

Однако древнерусский батальный эпос «Слова» и гуманистический характер становящегося романтического героя-искупителя и освободителя органично соотносятся не только с замыслом и эскизом национального стихотворного эпоса: напомним, что послание пишется в начале 1814 г., в самом разгаре заграничной фазы русско-наполеоновских войн. И этот современный батальный эпос тоже находит свое отражение в послании Жуковского, но уже не в объективно-повествовательном, а в интимно-лирическом ключе: мотивы воспоминаний о войне 1812 г. введены в послание через биографию адресата: так же, как и Жуковский, Воейков принял участие в Отечественной войне:

Ты был под знаменами славы; –
Ты видел, друг, следы кровавы
На Русь нахлынувших врагов,
Их казнь и ужас их побега:
Ты, строя свой бивак из снега,
Себя смиренью научал <...>.
С смиреньем отдал ты поклон
Жилищу Вихря-Атамана <...> [Платова];
И витязи под сединами
Соотчикам в чужой земле
«Ура!» кричали за тобою [1. С. 306, 310].

Но если Жуковский, покинув действующую армию, удалился в родные пенаты, то Воейков предпринял длительное путешествие по южным губерниям России: расстроенные имения древнего дворянского рода Воейковых находились на юге Саратовской губернии, недалеко от Сарепты, колонии немцев-евангелистов, основанной в 1765 г. вблизи Царицына; ранее Сарепта принадлежала к одному из северных уездов Астраханской губернии, бывшего Астраханского ханства, присоединенного к Московскому государству в 1557 г. Оттуда Воейков совершил путешествие к развалинам Шери-Сарая, древней столицы Золотой Орды, позднее описанное им в очерке «Путешествие из Сарепты на развалины Шери-Сарая» (опубликован в журнале «Новости литературы», 1824, т. 9), и далее – на Кавказ. Очевидно, именно устные рассказы Воейкова об этом путешествии и послужили фактической основой мотивно-сюжетной структуры этой композиционной части послания Жуковского:

*Ты видел Азии пределы;
Ты зрел ордынцев лютых край
И лишь обломки обгорелы
Там, где стоял Шери-Сарай,
Батяня древняя обитель;
Задумчивый развалин зритель,
Во днях минувших созерцал
Ты настоящую картину
И в них ужасную судьбину
Батяня новых дней читал.
В Сарепте зрелище иное:
Там братство христиан простое <...>
Ты зрел, как в тишине семей <...>
Там девы простотой счастливы,
А юноши трудолюбивы
От бурных спасены страстей <...>.*

*Ты зрел, как Терек в быстром беге
Меж виноградников шумел <...>.
И вдалеке перед тобой,
Одеты голубым туманом,
Гора вздымалась над горой,
И в сонме их гигант седой,
Как туча, Эльборус двуглавою.
Ужасною и величавой
Там все блистает красотой <...>
Ты видел Дона берега;
Ты зрел, как он поил шелковы
Необозримые луга,
Одушевленны табунами;
Ты зрел, как тихими водами
Меж виноградными садами
Он, зеленея, протекал <...>*

[1. С. 306–310].

Не оценивая имагологическое достоинство этого описания воображаемых, но визуально незнакомых Жуковскому пространств и значимость впервые в русской литературе конкретизированного в географически-бытовом отношении образа колонизированного Кавказа, хочу обратить внимание на то, что все топонимы и антропонимы, упомянутые в этом фрагменте послания, создают мощное

ассоциативное поле потенциальной рефлексии об историческом складывании государственных границ и формировании территории современной двум поэтам России в ходе ее национально-освободительных войн (от Батыя до Наполеона) и завоевательных кампаний – от эпохи Ивана Грозного (ознаменованной присоединением Астраханского и Казанского ханства, Западной Сибири и Области Войска Донского) до увенчавшего русско-персидскую войну 1803–1813 гг. Гюлистанского договора, по которому к России перешли частично посещенные Воейковым Картли, Кахетия, Мегрелия, Имеретия, Гурия, Абхазия, а также некоторые закавказские территории, в частности Дербент.

Хотя Дербент в послании Жуковского не упомянут прямо, этот топоним, способный вызвать сравнительно недавние воспоминания об очередной колониальной инициативе русской власти (русско-персидской завоевательной кампании 1796 г.), все же присутствует в ассоциативном плане послания на уровне нарративной стратегии фрагмента, посвященного путешествию Воейкова. Если впечатления Воейкова послужили фактической основой имагологического этюда в композиции послания, то моделью его эстетической организации в анафорических зачинах «Ты зрел...», «Ты видел...» стала знаменитая ода Державина «На возвращение графа Зубова из Персии»:

О юный вождь! Сверша походы,
Прошел ты с воинством Кавказ,
Зрел ужасы, красы природы <...>
Ты зрел – как ясною порою
Там солнечны лучи, средь льдов <...>
Ты видел – Каспий, протягаясь,
Как в камышах, в песках лежит <...>
Ты видел – как во тьме секутся
С громами громы в облаках <...>
Ты видел – как в степи средь зною <...>
Огромных змей стога кишат <...>
Ты дома зрел царей, – вселенну,
Внизу, вверху, ты видел всё <...> [11. С. 274–275].

Вероятно, нет необходимости специально акцентировать внимание на том, что эта эстетическая ориентация на поэтику торжественной оды вводит в дружеское послание Жуковского целый ряд ассоциативных идеологем, с одой XVIII в. неразрывно связанных:

еще один апологетический жанр, адресованный верховной власти и имеющий своей предпочтительной тематикой воспевание побед русского оружия в завоевательных кампаниях колониальной политики русских императоров начиная с ломоносовской оды на взятие Хотина. Заметим только, что Валериан Зубов, главнокомандующий в Русско-персидской войне 1796 г., предпринятой во исполнение химерического проекта Платона Зубова – завоевать всю Переднюю Азию до Тибета, прославился именно взятием Дербента. Война 1796 г. не принесла России ничего особенного – Дербент был присоединен только по Гюлистанскому договору. Но любопытно, что прекративший эту кампанию Павел I разослал приказ о выводе войск из Закавказья командирам отдельных частей, а главнокомандующего и его штаб не поставил об этом в известность, оставив их без защиты с перспективой позорного плена. Но этого не случилось, поскольку атаман Платов, будущий герой Отечественной войны 1812 г. вопреки высочайшему повелению остался охранять Зубова и генералитет со своими казаками. Таким образом, личность Платова, участника войн 1796 и 1812 гг., выступает персонифицированным связующим звеном русской военной истории, которая в послании репрезентирована как часть личных биографий участников Отечественной войны 1812 г. Воейкова и Жуковского.

Но самое главное то, что в послании Жуковского эти два эпизода, имагологический и связанный с творческой лабораторией поэта, объемлющие в своем единстве практически всю историю государства Российского от былинного князя Владимира до «Батя наших дней» – Наполеона, эти субъективированный креативно-эстетический образ творческого замысла и объективный эпохально-исторический образ биографии современника на фоне большой истории государства Российского, оба заряженные мощным ассоциативным потенциалом, вписаны в традиционный для дружеского послания автобиографически-автопсихологический и даже, можно сказать, интимно-родственный контекст. Структурным стержнем рефлексии о жизненном пути друга-поэта Воейкова и о замысле эпической поэмы Жуковского становится обрамляющая весь текст послания лирическая медитация. Послание «К Воейкову» открывается картиной домашней жизни поэта в его бытовой человеческой ипостаси:

Поставь в мой угол посох свой
И умиленную мольбой
Почти домашнего Пената.
Садись – вот кубок! в честь друзьям!
И сладкому воспоминанью,
И благотворному свиданью,
И нас хранившим небесам! [1. С. 306].

Сюжетно-композиционной цезурой, разделяющей выдержанное в ассоциативно-одических тонах описание путешествия Воейкова и очерк замысла национального стихотворного эпоса, вновь становится субъективно-лирический автобиографический и автопсихологический эпизод воспоминаний о прошлом, о временах молодости и дружеского общения:

Теперь ты случая рукою
В обитель брата приведен,
С ним вспомнишь призраки златые
Невозвратимых тех времен,
Когда мы – гости молодые
У милой Жизни на пиру –
Из полной чаши радость пили
И *счастье наше!* говорили
В своем пророческом жару <...> [1. С. 310].

И наконец, увенчивают послание Жуковского размышления о будущем: хорошо известно, что поэт ставил успех или неуспех своей работы над замыслом национального волшебного-исторического стихотворного эпоса в прямую зависимость от исполнения или неисполнения своих надежд на личное семейное счастье с любимой женщиной:

Когда, мой друг, тебе я сам
Ее в веселый час подам
И ты прочтешь в ней небылицы,
За былль рассказанные мной,
То знай, что счастлив жребий мой,
Что под надзором providенья,
Питаясь жизнью в тишине,
Вблизи всего, что мило мне,
Я на крылах воображенья,
Веселый здесь, в тот мир летал
И что меня не покидал
Мой верный ангел вдохновенья <...>

Но, друг, быть может... как узнать?..
Она останется пустая,
И некогда рука чужая
Тебе должна ее отдать
В святой залог воспоминанья,
Увы! и в знак, что в жизни сей
Милейшие души моей
Не совершились желанья [1. С. 313].

Таким образом, в рамках синтетической жанровой структуры послания Жуковского, в котором очевидны жанровые ассоциации стихотворного эпоса, торжественной похвальной оды, мотивы былинного фольклора, литературные реминисценции древнего национального эпоса и объективные дескрипции, близкие типологии топографически и исторически достоверного мирообраза, заряженного мощным ассоциативным потенциалом воспоминаний об этапах становления государства Российского в его национально-освободительной и завоевательно-колониальной батальной истории, началом, которое объединяет эти разнородные жанровые ассоциации, становится субъективно-лирическая рефлексия медитативной элегии, подчиняющая их одной доминанте: все эти жанровые, фольклорные, литературные и исторические ассоциации репрезентированы как своего рода «ландшафт моих воображений», картина духовного мира поэта-человека-современника своей исторической эпохи.

Послание Жуковского «К Воейкову» традиционно считается конспектом неосуществленной поэмы «Владимир». А.Н. Веселовский [12. С. 491–493] и А.Н. Соколов [13. С. 398–399] полагали, что ответ Жуковского на призыв Воейкова создать национальную эпическую поэму дает представление о стилистике этого не воплощенного в тексте замысла. И это справедливое мнение авторитетных исследователей истории русского стихотворного эпоса Нового времени необходимо уточнить только в одном аспекте: представление о стилистике и жанровой структуре назревающей в послании жанровой модели будущего русского стихотворного эпоса дает не столько тот фрагмент послания, который эксплицитно очерчивает собственно замысел как таковой, сколько вся жанрово-стилевая структура послания в его прихотливой интертекстуальности, подчиненная доминанте персоналистской позиции, предполагающей в тексте объективного жанра пространство «плана автора», эксплицированное субъективно-лирическое начало, властно подчиняющее себе идеоло-

гические, дескриптивные и объективно-повествовательные элементы традиционного национального эпоса и репрезентирующее их как фактор личной жизни частного человека. При этом лирическая суггестивная сила подобной структуры непременно должна вовлечь в такое переживание истории и идеологии и того, кому адресован подобный текст – читателя, и, следовательно, сделать историю и идеологию фактором его – читателя – частной жизни. Жуковский такого текста не создал. Но знаменитое «победителю-ученику» свидетельствует о том, что намечавшаяся в творческом сознании поэта-учителя жанровая структура нашла свое полное и адекватное воплощение в поэме Пушкина «Руслан и Людмила».

Литература

1. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки славянской культуры, 2009. Т. 4. С. 365–370.
2. Ветшьева Н.Ж. Примечания // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М., 2009. Т. 4. С. 609–621.
3. Батюшков К.Н. Полное собрание стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. С. 246–247.
4. Вестник Европы. 1814. Ч. 74, № 6. С. 97–106.
5. Ветшьева Н.Ж. Концепция национально-исторической эпопеи в планах поэмы В.А. Жуковского «Владимир» // От Карамзина до Чехова: К 45-летию научно-педагогической деятельности Ф.З. Кануновой. Томск., 1992. С. 67–76.
6. Батюшков К.Н. Сочинения: в 3 т. / под ред. Л.Н. Майкова. СПб., 1886. Т. 3. С. 382–383.
7. Вестник Европы. 1813. № 5–6. С. 26–30.
8. Поэты 1790–1810-х годов. Л.: Советский писатель, 1971. С. 278.
9. Письма В.А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М.: Изд. «Русского архива», 1895. С. 62.
10. *Les douze Vierges dormantes*. Poème de M. Joukofski // *Le Conservateur impartial*. 1817. № 63. P. 325–326.
11. Державин Г.Р. Сочинения. СПб.: Академический проект, 2002. (Библиотека поэта. Большая серия).
12. Веселовский А.Н. В.А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904. С. 491–493.
13. Соколов А.Н. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой трети XIX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1955. С. 398–399.

THE NATIONAL, THE IMPERIAL, THE COLONIAL AS A FACTOR OF PRIVATE LIFE: V.A. ZHUKOVSKY'S EPISTLE "TO VOEIKOV"

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2017, 1(7), pp. 93–107. DOI: 10.17223/24099554/7/6

Lebedeva Olga B. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: obl25@yandex.ru

Keywords: Zhukovsky, national verse epic, lyrics, epistle, “To Voeikov”, eleginess, subjectivity.

In the hierarchy of the classical genres of the 18th – first third of the 19th centuries, the leading position belongs to the national verse epic that never gave Russian literature any recognised samples. The reason to it was the ideology of personalism assimilated by the Russian culture of the Modern Times in the process of its Europeanisation. It contradicted the traditionally despotic character of Russian statehood. The interiorisation of geopolitics and its transformation into a factor of the personal life of a private person is emblematically represented in the epistle “To Voeikov” (1814) by V.A. Zhukovsky, a consistent statist in the ideological position, yet one of the most self-conscious lyricists of Russian literature. In a sense, the epistle displaced the idea of the poem “Vladimir”, which was thought to be a model of the national epic.

At all the levels of poetics, the lyrical and epic elements of the epistle are in constant interaction. Its compositional core is the structure of a lyrical subject, uniting a private person, a citizen of his country and a poet. First of all, the atypical plot attracts attention: it is an appeal to the semi-legendary, semi-historical personality of Prince Vladimir of Kiev. Many associative parallels connected him with all the key epochs of the formation of the Russian mentality and Russian statehood. Parts of the plot were significant “laboratory” auto-reminiscences from “The Tale of Igor’s Campaign” (Yaroslavna’s Lament) Zhukovsky soon translated and from the ballad “Vadim”.

The modern battle epic is also reflected in Zhukovsky’s epistle, but not in an objectively narrative, but in an intimate lyric manner: the motifs of memories of the war of 1812 are introduced into the epistle through the biography of the addressee. Voeikov’s postwar journey in the interpretation of Zhukovsky creates a powerful associative field of potential reflection on the historical shaping of state borders and on the formation of the territory of Russia, contemporary with the two poets, in the course of its national liberation wars (from Batu to Napoleon) and conquering campaigns (from the epoch of Ivan the Terrible to the Treaty of Gulistan that ended the Russo-Persian war of 1803–1813).

References

1. Zhukovskiy, V.A. (2009) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. Vol. 4. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul’tury.
2. Vetsheva, N.Zh. (2009) Primechaniya [Notes]. In: Zhukovskiy, V.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. Vol. 4. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul’tury.
3. Batyushkov, K.N. (1964) *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete collection of poems]. Moscow; Leningrad: Sovetskiy pisatel’.
4. *Vestnik Evropy.* (1814). 74:6. pp. 97–106.
5. Vetsheva, N.Zh. (1992) Kontseptsiya natsional’no-istoricheskoy epopei v planakh poem V.A. Zhukovskogo “Vladimir” [The concept of the national historical epic in the plans of V.A. Zhukovsky’s poem “Vladimir”]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Ot Karamzina do Chekhova: K 45-letiyu nauchno-pedagogicheskoy deyatel’nosti F.Z. Kanunovoy* [From Karamzin to Chekhov: To the 45th anniversary of the research and pedagogical activities of F.Z. Kanunova]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Batyushkov, K.N. (1886) *Sochineniya: V 3 t.* [Works: in 3 vols]. Vol. 3. St. Petersburg: Tip. V.S. Balashova.
7. *Vestnik Evropy.* (1813). 5–6. pp. 26–30.

8. Lotman, Yu.M. (ed.) *Poety 1790–1810-kh godov* [Poets of the 1790s–1810s]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.

9. Russian Archive. (1895) *Pis'ma V.A. Zhukovskogo k Aleksandru Ivanovichu Turgenevu* [Letters of V.A. Zhukovsky to Alexander Ivanovich Turgenev]. Moscow: Izdanie "Russkogo arkhiva".

10. Le Conservateur impartial. (1817) Les douze Vierges dormantes. Poème de M. Joukowski [The Twelve Dormant Virgins. Poem by M. Zhukovsky]. *Le Conservateur impartial*. 1817. 63. pp. 325–326.

11. Derzhavin, G.R. (2002) *Sochineniya* [Works]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.

12. Veselovskiy, A.N. (1904) *V.A. Zhukovskiy: Poeziya chuvstva i "serdechnogo voo-brazheniya"* [V.A. Zhukovsky: Poetry of feeling and "heart imagination"]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

13. Sokolov, A.N. (1955) *Ocherki po istorii russkoy poemy XVIII i pervoy trety XIX veka* [Essays on the history of the Russian poem of the 18th and the first third of the 19th centuries]. Moscow: Moscow State University.